

Идентичность, национализм и пределы либерализма в российской политической жизни

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 323

Июнь 2014

Самуэль Грин, *Кингс-колледж (Лондон)*

Грэм Роберстон, *Университет Сев. Каролины*

В ходе последних избирательных кампаний в России широкое распространение получили риторика национализма, ксенофобская пропаганда, направленная против мигрантов, и другие проявления шовинизма. Похоже, что этой тенденции сопутствует распространение ксенофобских штампов и выражений в повседневном российском дискурсе как политического, так и неполитического характера. Следует отметить и то, что правящая элита сумела успешно взять на вооружение консервативные религиозные и социальные настроения с целью маргинализации своих политических оппонентов. Опросы, проведенные авторами в Москве и других крупных городах, свидетельствуют, однако, о том, что ксенофобия выполняет иную функцию, нежели другие неоднозначные темы, способствуя скорее объединению различных политических групп, нежели их поляризации. Политизация темы ксенофобии может вылиться не в противостояние между шовинистами и космополитами, но в конкуренцию по вопросу о том, кто сможет оптимальным образом использовать националистические настроения для достижения успеха на выборах.

Предыстория: ксенофобия на выборах

Самыми важными выборами в истории России последних лет (после акций протеста на Болотной площади 2011–2012 годов) были выборы мэра Москвы в сентябре 2013 года, когда символический лидер оппозиции Алексей Навальный набрал 27,2% голосов, а мэр Сергей Собянин – 51,4%. В ходе этой кампании шовинистическая риторика доминировала. За исключением коммуниста Ивана Мельникова, все кандидаты раздували антимигрантские настроения, призывая к депортации «гастарбайтеров» из Средней Азии и мигрантов с Северного Кавказа

либо к жесткому регулированию их пребывания в России, тогда как московские власти под руководством Собянина проводили облавы на предполагаемых нелегальных мигрантов, заключали их под стражу и депортировали их тысячами. Ксенофобские и антимигрантские настроения в более широком смысле слова становятся важным элементом российской общественной и политической жизни, они находят отражение в беспорядках в Москве и других городах, а также в растущей популярности радикальных сайтов вроде sputnikipogrom.com.

Одновременно Кремль использовал ряд других тем - религиозная принадлежность, гомофобия и иные так называемые традиционалистские чувствительные точки для мобилизации консервативного электората, - в момент, когда впервые столкнулся с организованным либеральным движением, выступающим с «космополитической» программой вестернизации страны. Поэтому в качестве барьера на пути угрозы, представляемой «креативным классом» (хотя это название является грубым упрощением протестного движения), одним из символов которой стала панк-молитва группы «Пусси райот», Кремль ввел два закона: один предусматривает штраф за оскорбление религиозных чувств, а другой - тюремное наказание за «пропаганду гомосексуализма» среди малолетних. Таким образом власть выступила в качестве защитника традиционных русских, православных ценностей от богохульного Запада, где все дозволено. Эти законы широко воспринимаются в качестве водораздела, после которого антипутинская оппозиция была маргинализована, а стержневой электорат президента получил энергетическую подпитку после серии выборов, в ходе которых легитимность режима была поставлена под сомнение.

Однако остается вопрос: являются ли русские националистические и шовинистические настроения продуктом деятельности Кремля, раскалывающей общество (наряду с ортодоксальными религиозными и гомофобскими настроениями), или же рост национализма является более спонтанным (и менее контролируемым) явлением. Ответ на этот вопрос много значит для тех, кто пытается понять политическое будущее России. Если первое предположение верно и национализм используется режимом (и многими его оппонентами) в качестве инструмента, то этот пагубный политический курс может быть отвергнут, когда политики сочтут это необходимым.

Если же правильным является второй ответ, если волна национализма поднимается снизу, провоцируя реакцию политиков, то решение этой проблемы может оказаться гораздо более сложным. У нас нет данных для того, чтобы дать окончательный ответ на этот вопрос, но из приведенных ниже аргументов следует, что второе предположение более достоверно отражает реальность.

Исследование

В этой статье использованы результаты опроса общественного мнения, проведенного в октябре 2013 года, за месяц до выборов московского мэра, в столице и других городах России с населением 1 млн жителей и больше (1). Организаторов опроса интересовало мнение респондентов в возрасте от 16 до 65 лет, имеющих высшее образование, средний (и выше среднего) достаток и доступ к интернету – то есть таких, кого можно было охарактеризовать как социально и политически активных. Хотя их опрос и не отражает полную картину общественного мнения в стране, он был рассчитан на выявление факторов, которые влияют на действия и поведение тех россиян, которые, скорее всего, находятся в оппозиции к режиму (2). Так, в таблице показано, что лишь 48,2% респондентов отчасти или полностью одобряют деятельность Путина на посту президента, и только 39,3% сказали, что проголосовали за него на выборах 2012 года.

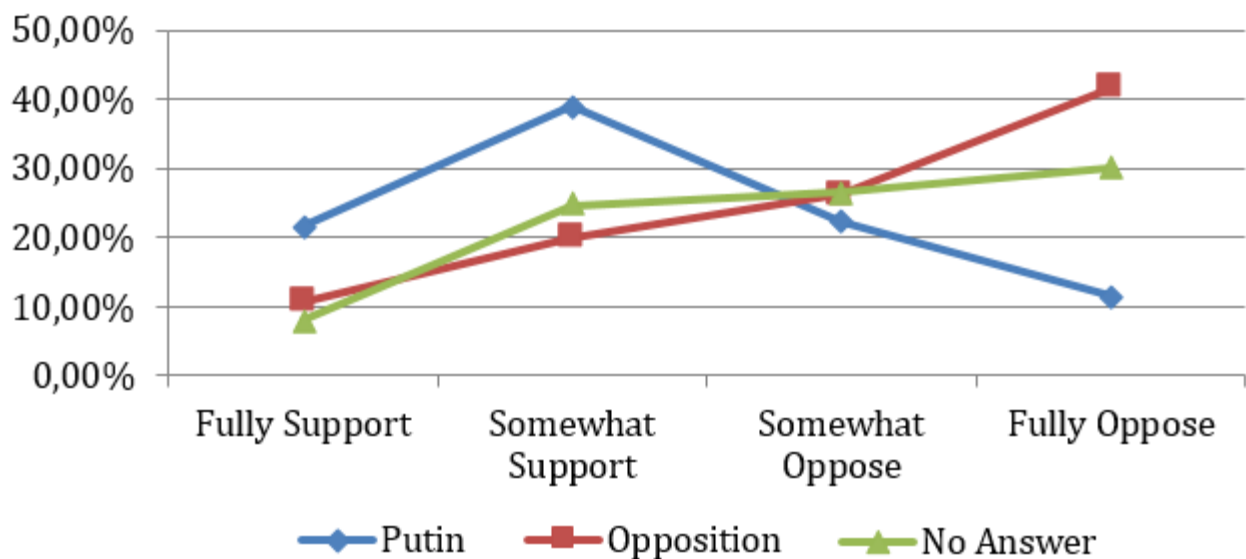
Таблица 1. Избранные ответы опроса общественного мнения

	% респон- дентов
<i>Направление, в котором движется страна</i>	
Страна движется в правильном направлении	28,5%
Страна движется в неправильном направлении	47,8%
<i>Оценка деятельности Путина</i>	
Полностью не одобряю деятельность Путина	14,0%
Отчасти не одобряю деятельность Путина	29,0%
Отчасти одобряю деятельность Путина	40,9%
Полностью одобряю деятельность Путина	7,3%
<i>Отношение к СМИ</i>	
Ежедневно смотрю новости по федеральным телеканалам	49,3%
Редко смотрю/никогда не смотрю новости по федеральным телеканалам	15,7%
Ежедневно выхожу в интернет для ознакомления с новостями	70,9%
Ежедневно выхожу в социальные сети для ознакомления с новостями	26,4%
<i>Голосование на выборах</i>	
Голосовал за Путина на президентских выборах 2012 г.	39,3%
Голосовал за оппозицию на президентских выборах 2012 г.	43,2%
Проголосовал бы за Путина на гипотетических президентских выборах	28,9%
Проголосовал бы за оппозицию на гипотетических президентских выборах	40,8%

Общее и различия

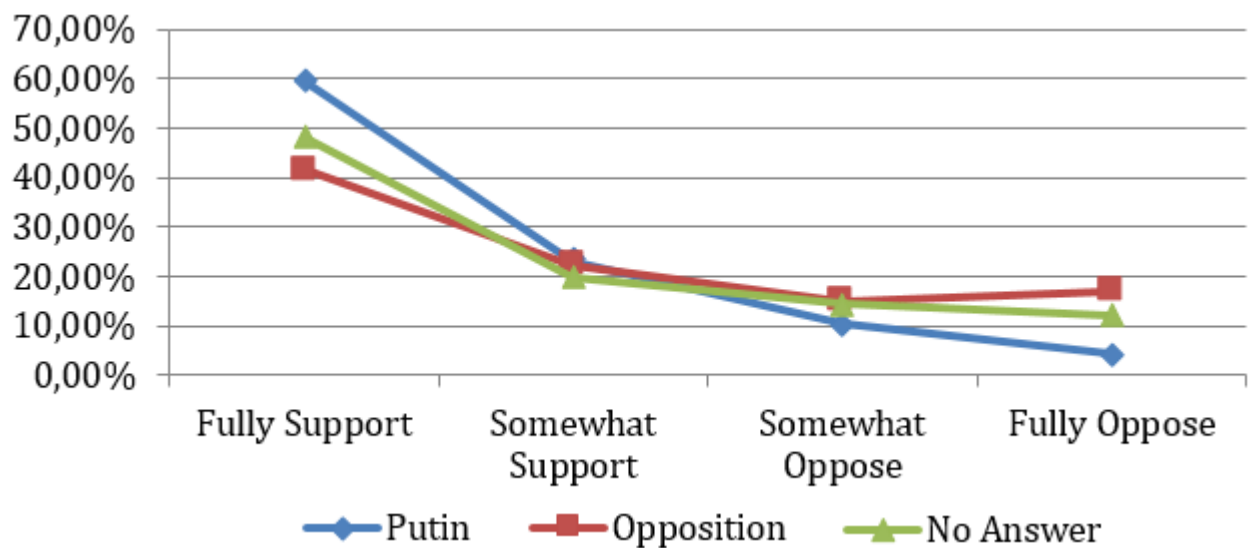
Эти данные явно указывают на то, что по крайней мере для наших респондентов – россиян, которые с высокой вероятностью находятся в оппозиции к Путину, – религия и гомосексуализм являются факторами раскола. Таким образом, 41,7% тех, кто заявил, что проголосовал в 2012 году за кого-то другого (а не за Путина), были категорически против закона о защите религиозных чувств, по сравнению с 11,6% тех, кто сообщил, что проголосовал за Путина (см. график 1).

График 1. Отношение к закону о защите чувств верующих: президентские выборы 2012 г.

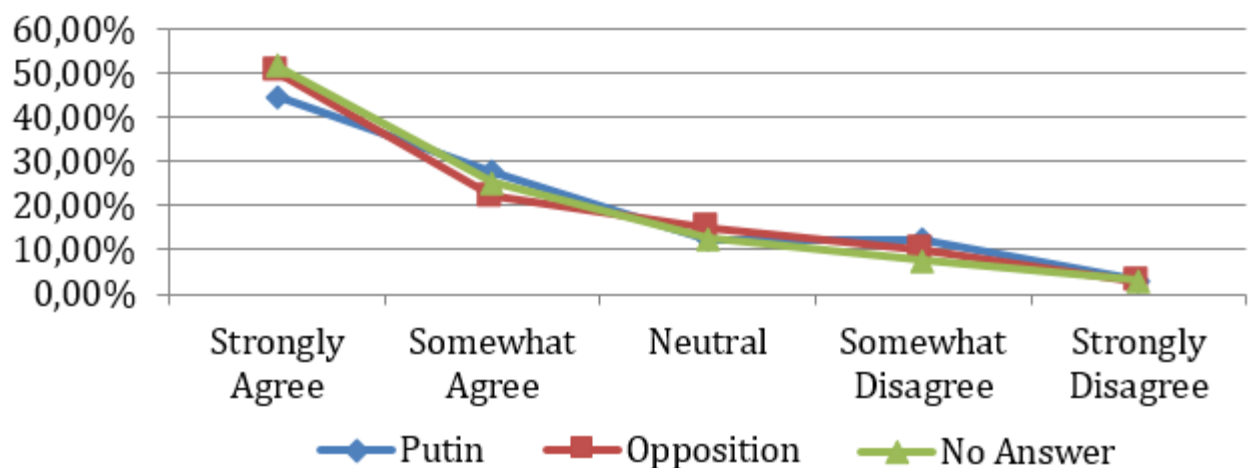
Аналогичным образом, хотя в целом уровень поддержки закона, запрещающего пропаганду гомосексуализма, высок, он заметно ниже среди голосовавших не за Путина: 48% среди них выражают закону свою полную поддержку, тогда как среди сторонников Путина таковых 59,5%. Соответственно 17,1% голосовавших за оппозицию категорически не поддерживают закон, а среди голосовавших за Путина их всего 4,2% (см. график 2).

График 2. Отношение к закону о пропаганде гомосексуализма: президентские выборы 2012 г.

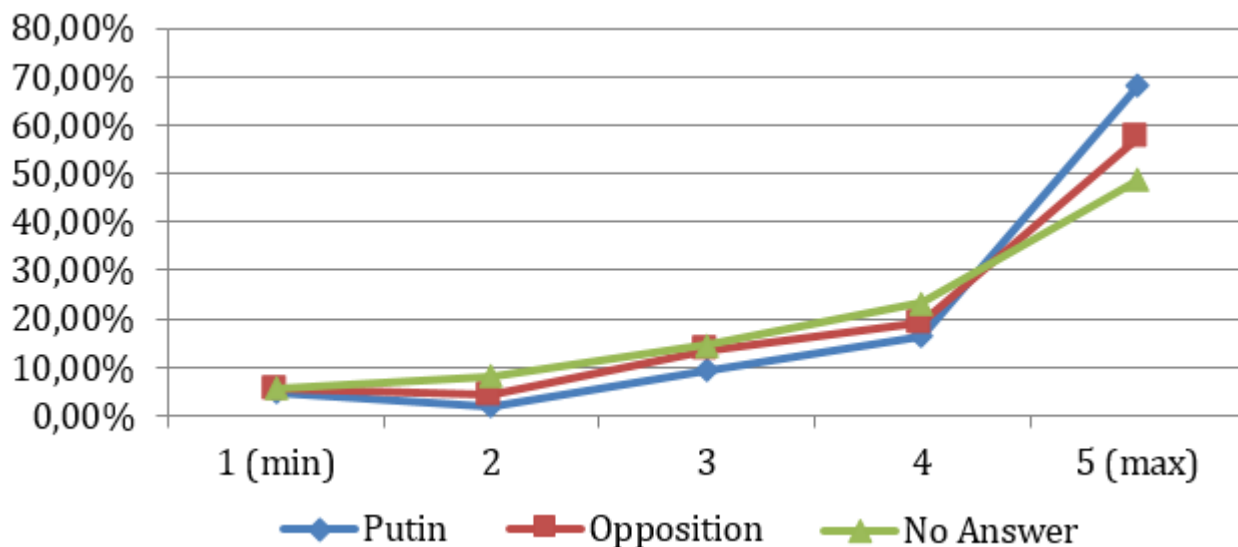
Однако при ответе на вопрос о том, должна ли Россия «принять меры по депортации большинства иммигрантов», столь большого разброса мнений не наблюдалось. Расхождение между голосовавшими за и против Путина составило лишь 7%, а между теми немногими, кто ответил на этот вопрос категорически отрицательно, разницы не было вообще (см. график 3). (Стоит обратить внимание на то, что сторонники оппозиции более склонны поддерживать депортацию иммигрантов, нежели сторонники Путина; к этому вопросу мы еще вернемся.)

График 3. «Россия должна принять меры по депортации большинства иммигрантов»: президентские выборы 2012 г.

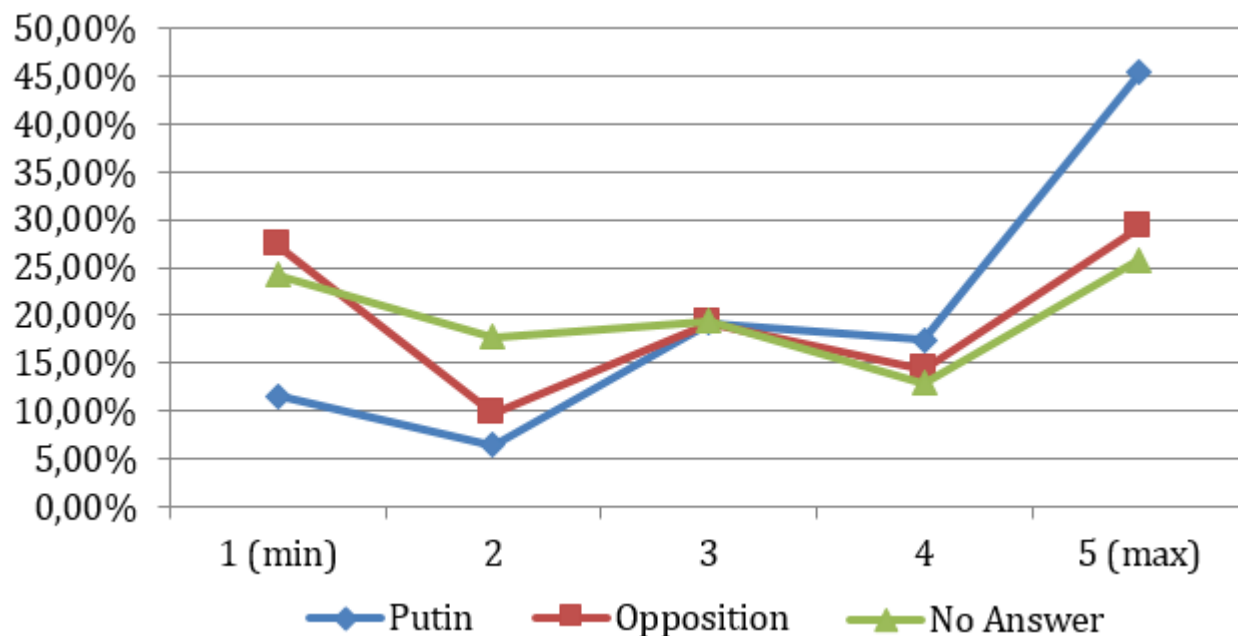

Аналогичным образом кривые, отражающие настроение про- и антипутинских избирателей, практически совпадают при ответе на вопрос о самоидентификации с «русским народом». Напротив, на графике, отражающем самоидентификацию с русским православием и с российскими властями, разница оказалась ярко выраженной (см. графики 4, 5 и 6).

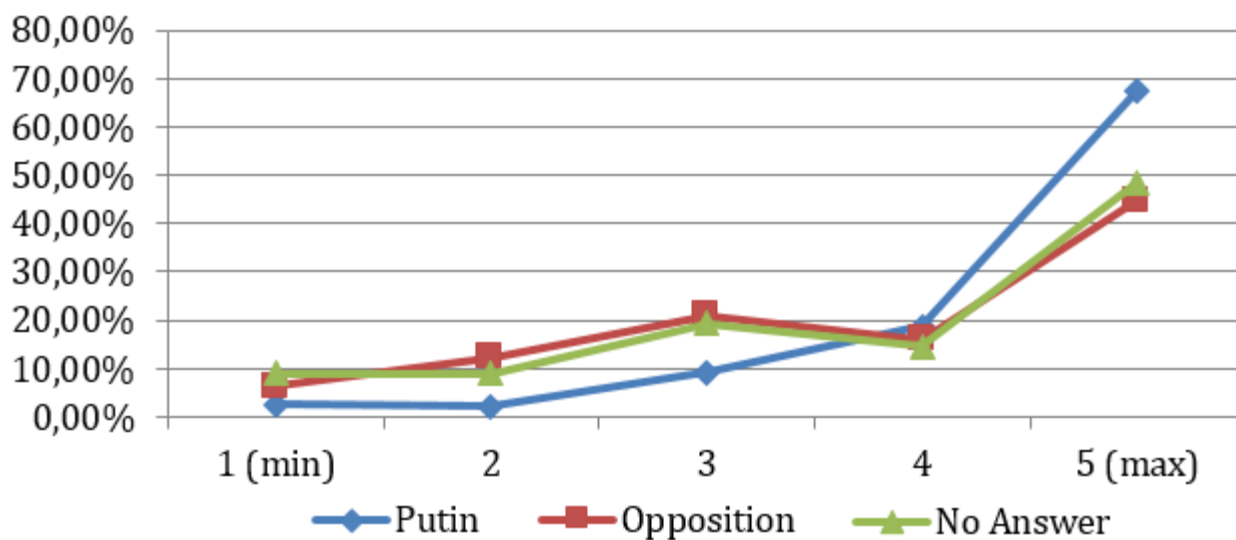
График 4. Самоидентификация с русским народом: президентские выборы 2012 г.

График 5. Самоидентификация с православием: президентские выборы 2012 г.

График 6. Самоидентификация с российской властью: президентские выборы 2012г.

Таким образом, мы видим явное расхождение мнений и четко очерченный политический водораздел в вопросах религии, правах сексуальных меньшинств и самоидентификации с властью. Однако это расхождение исчезает, когда речь заходит о мигрантах и национальной идентичности. Это наводит на мысль о том, что национализм и ксенофобия не выступают в качестве водораздела, как это произошло в случае с другими темами, которые были использованы Кремлем в концептуальной конфронтации с оппозицией.

Тем не менее, хотя национализм и ксенофобия и не выполняют роль такого водораздела, это не означает, что они не могут выступать в качестве мощного инструмента мобилизации (или, наоборот, гашения импульса) в руках режима. Для измерения его эффективности нужно взглянуть на данные опроса под другим углом – с точки зрения подачи и восприятия сигналов, исходящих из Кремля.

Потребление медиа и сигналы Кремля

Кремлевские кампании по мобилизации масс могут быть запущены не только из залов российского парламента. Законы о чувствах верующих и о пропаганде гомосексуализма стали зацепками для освещения этих тем в новостях и широкого обсуждения их на самых разных площадках: на телевидении, в интернете и других форматах СМИ. Если учесть то, что нам известно о роли интернета в волне протестов 2011–2012 годов из других исследований, – когда онлайн-ресурсы и социальные сети были ключевыми агрегаторами и площадками распространения информации, имеющей отношение к протесту, и стали платформой для их координации, – то можно предположить, что у тех, кто в основном потребляет

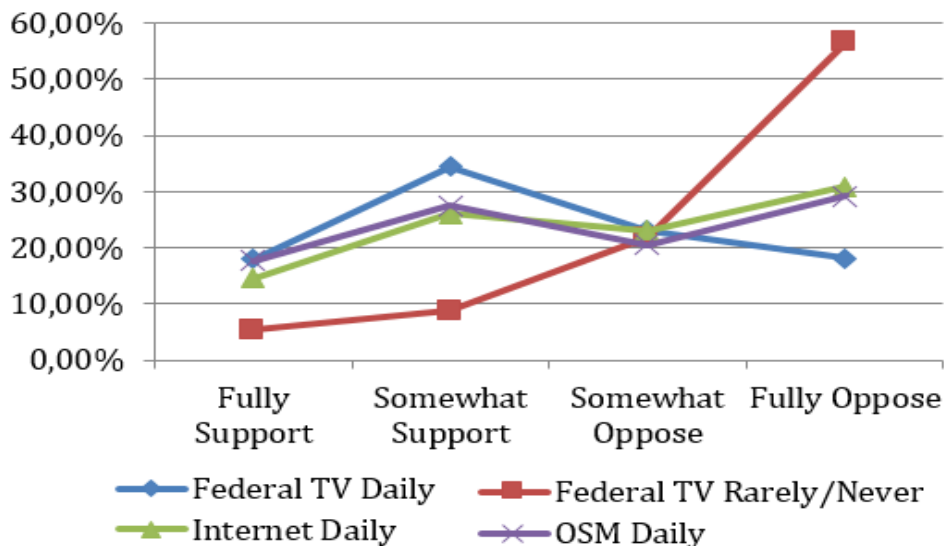
новости на ТВ, и тех, кто черпает их из интернета или соцсетей, есть существенная разница в отношении к этим вопросам (3).

Однако данные указывают на несколько иную картину: ключевой водораздел проходит не между телезрителями и пользователями интернета, но между теми, кто смотрит и кто не смотрит телевизор. (Аналогичный вывод был получен в исследовании, проведенном Робертсоном, о добровольных наблюдателях за выборами.) И хотя наша выборка полностью основана на пользователях интернета (поэтому она несколько отличается от населения России в целом), есть существенная разница в моделях потребления новостей.

Так, 70,9% наших респондентов сказали, что пользуются интернетом для ежедневного ознакомления с новостями, и лишь 26,4% пользуются для этого соцсетями (см. таблицу). Более того, 49,3% сообщили, что для ежедневного ознакомления с новостями они смотрят три основных (контролируемых государством) телеканала, тогда как 15,7% сообщили, что либо не смотрят эти телеканалы вовсе, либо смотрят их редко. Поэтому значительная доля людей, черпающих новостную информацию из интернета, также в значительных объемах получает ее и из телевизора. (Следует отметить, что не все категории являются взаимоисключающими: некоторые респонденты, к примеру, пользуются ежедневно и интернетом, и телевизором; однако те, кто смотрит федеральные телеканалы ежедневно, и те, кто не смотрит их вовсе или смотрит редко, – это категории взаимоисключающие.)

Если судить по ответам нашего опроса, то лишь 18,1% тех, кто регулярно смотрит телевизор, категорически против закона о чувствах верующих, тогда как среди пользователей интернета их 30,9%. А среди тех, кто не смотрит телевизионные новостные программы либо смотрит их редко, против этого закона категорически возражают 56,6% (см. график 7).

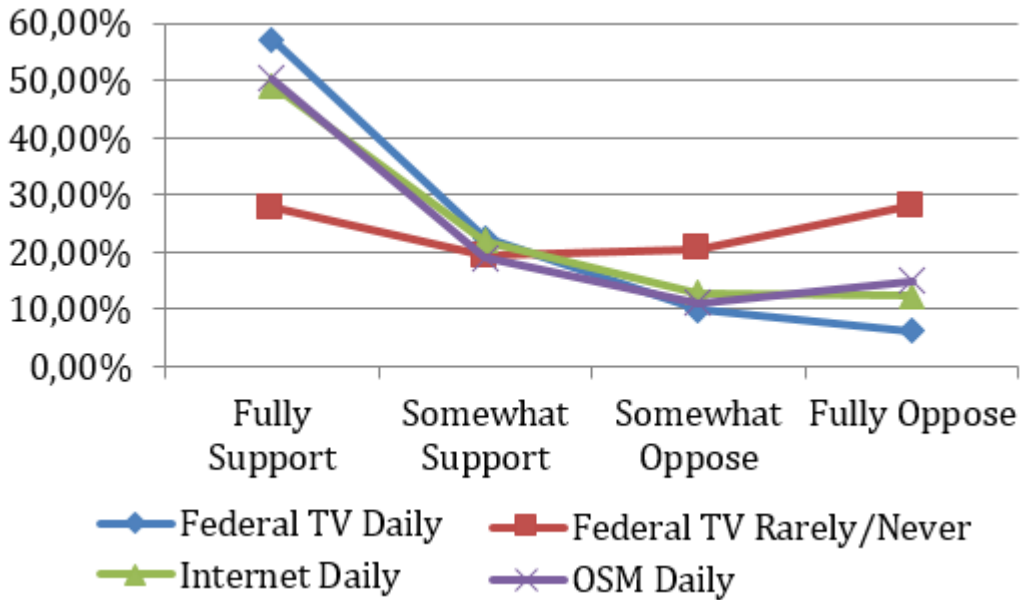
График 7. Отношение к закону о чувствах верующих: использование СМИ

Аналогичным образом 57,1% тех, кто смотрит телевизор, полностью поддерживают закон, запрещающий пропаганду гомосексуализма, равно как и 49,2% пользователей интернета. И наоборот, лишь 27,8% тех, кто не смотрит телевизор, поддерживают этот закон (см. график 8).

График 8. Отношение к закону о запрете пропаганды гомосексуализма: использование СМИ

Та же разница наблюдается и в вопросе о самоидентификации с православием и российской властью (см. графики 9 и 10).

График 9. Самоидентификация с православием: использование СМИ

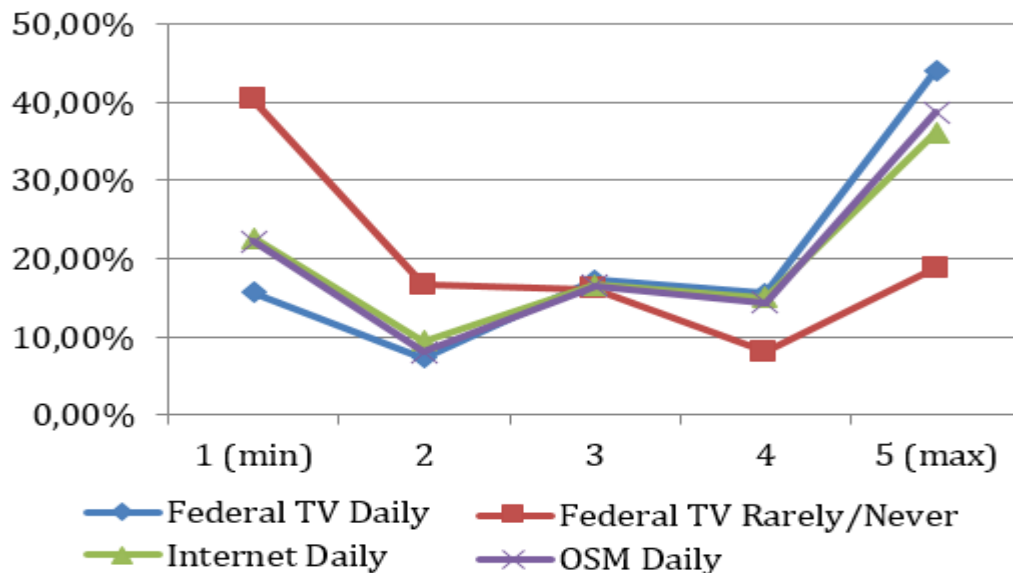
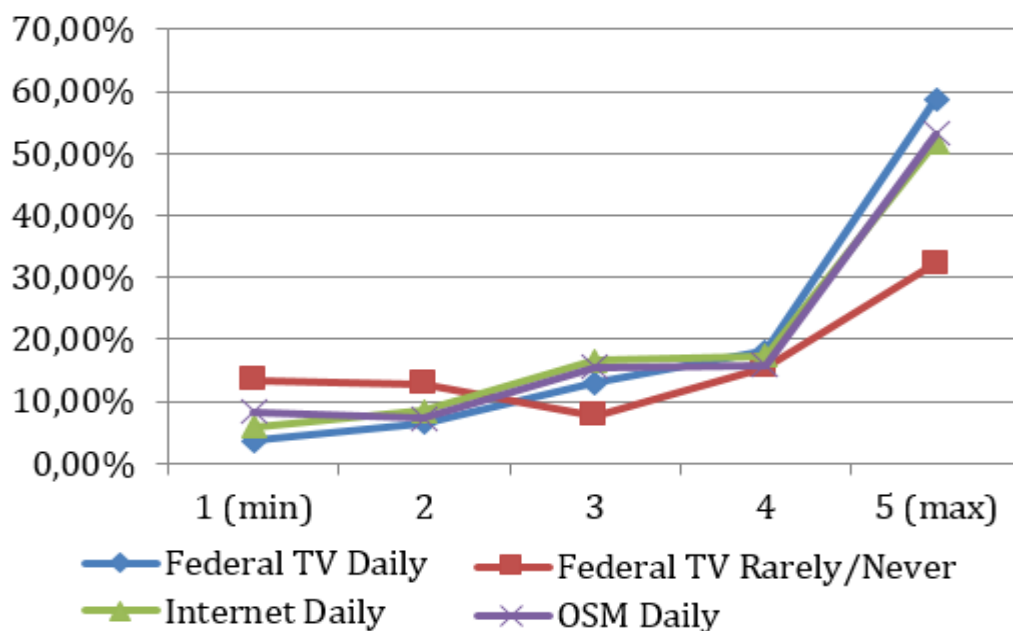

График 10. Самоидентификация с властью в России: использование СМИ

Разница во мнении, предопределенная использованием СМИ, заметно уменьшается, когда речь заходит о ксенофобии и национальной идентичности, где кривые, отражающие показатели для тех, кто смотрит телевидение, и тех, кто его игнорирует, а также для пользователей интернета, расходятся между собой не столь далеко (см. графики 11 и 12).

График 11. «Россия должна принять меры для депортации большей части иммигрантов»: использование СМИ

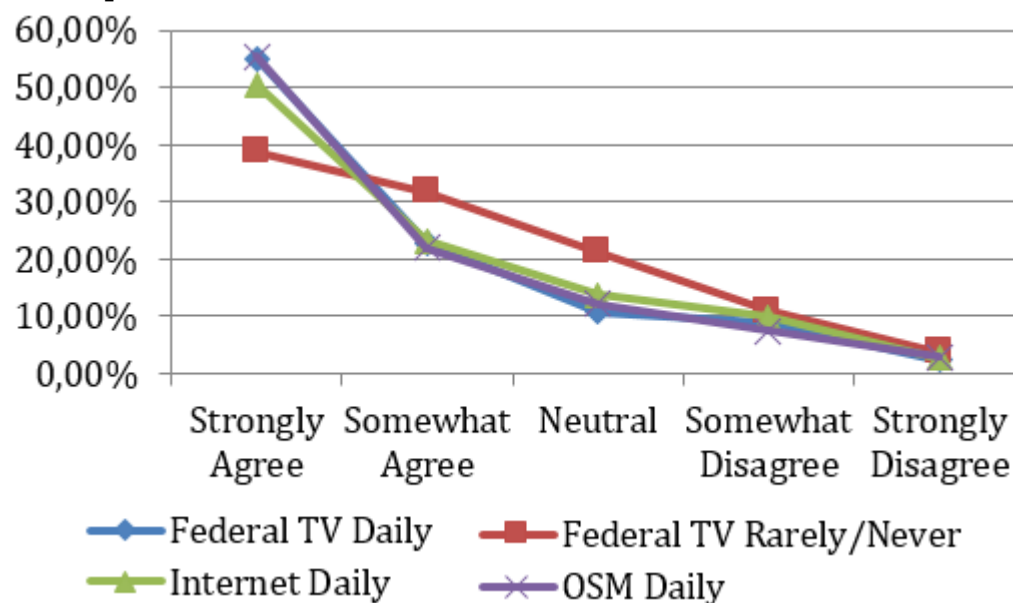
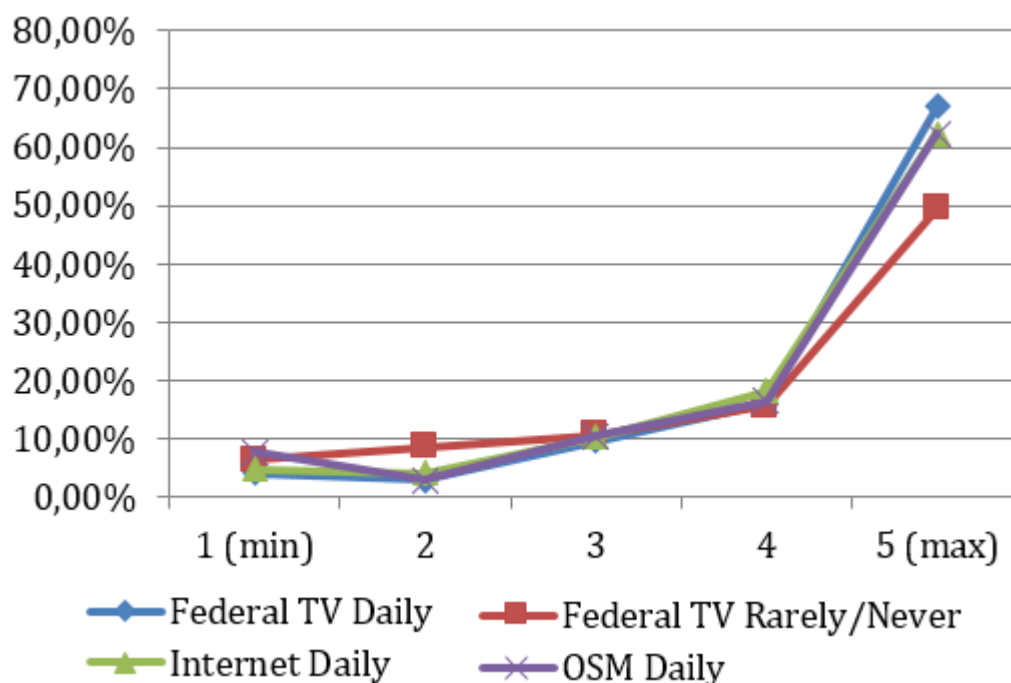

График 12. Идентификация с российским народом: использование СМИ

Похоже, что в крайних точках некоторая разница все-таки возникает. Так, 55% тех, кто смотрит телевидение, полностью согласны с тем, что Россия должна «принять меры с целью депортации большей части иммигрантов»; но среди игнорирующих ТВ только 38,8% придерживаются этой точки зрения. Но эта разница отнюдь не столь очевидна, как в случае с вышеупомянутыми вопросами, играющими роль водораздела.

Несмотря на стремительное распространение интернета в России, которое явно сыграло роль в организации и поддержании протестных движений и политической оппозиции, телевидение, похоже, остается доминирующим средством как для политических посланий, так и в качестве источника новостей. Даже в рамках когорты, для которой характерен особенно высокий уровень антиправительственных настроений, разница во мнениях между теми, кто смотрит телевидение, и теми, кто его игнорирует, поразительна.

Более того, тот факт, что мнение читающих новости в интернете близко к мнению тех, кто смотрит телевизор – даже среди тех, кто, вероятно, находится в оппозиции к власти, – дает основание предположить, что главное здесь не доступ к более свободным СМИ в интернете, а склонность респондентов вовсе выключить телевизор. Практически полный правительственный контроль над тремя федеральными телеканалами обеспечивает единообразие послания. Оно и выступает в качестве фактора, ограничивающего способность людей осмысливать и интерпретировать сведения из других источников.

Выводы

Способность Кремля использовать национальную идентичность и традиционные ценности в качестве инструмента для мобилизации своих сторонников и маргинализации оппонентов – проверенная временем тактика, к которой прибегают отнюдь не только в России и даже не только авторитарные правители, – становится все более очевидной по мере роста идеологических расхождений между сторонниками Путина и его (все еще немногочисленными) противниками. Это особенно очевидно в случае таких тем, как религия и сексуальная ориентация, в рамках которых политический водораздел четко очерчен.

Но хотя политические послы Кремля, доставляемые прежде всего посредством телевидения, имеют мощное воздействие, определяющее, где и как воздвигаются и проводятся эти разделительные линии, влияние ТВ на ксенофобские и антимигрантские настроения менее очевидно. Вопрос о внутренних и внешних трудовых мигрантах не разделяет социально и политически активных россиян на два разных лагеря согласно их политическим симпатиям. Более того, способ восприятия новостной информации и то, как россияне реагируют на вопрос о мигрантах и национальной идентичности, мало связаны. Это наблюдение дает основание полагать, что у власти есть гораздо более мощные рычаги для манипуляции гомофобскими настроениями и религиозными чувствами, нежели в случае с националистическими и антимигрантскими настроениями.

Данные нашего исследования наводят на мысль о том, что среди наших респондентов сторонники Путина проявляли скорее более терпимое отношение к меньшинствам и мигрантам, нежели его оппоненты. Это может отражать некоторые шаги Путина, такие как отказ поддержать предложение о введении въездной визы для мигрантов из Средней Азии. Но это также может отражать понимание Кремлем опасности мобилизации под знаменем национализма: если режим решит поднять массы под шовинистическими лозунгами, он рискует столкнуться с оппонентом, который умеет гораздо лучше говорить на языке этих лозунгов и при этом не скован узами прагматичного политического курса.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
EURASIA ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org